

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА

ДРЕВНЕЕ ПРАВО

2 (20)

Спарк
Москва 2007

INDICE

**Bibikov M. V., Kofanov L. L.,
Suchanov E. A., (Mosca).**
Commemorazione dell'accademico
Leonid Vasilievich Milov

Beliakova E. V. (Mosca). Leonid
Vasilievich Milov. *Curriculum vitae*
e ricerche nel campo della storia
del diritto

DIRITTO ROMANO

Kofanov L. L. (Mosca). Il secondo libro
delle «*Regulae*» di Modestino (D. 44. 7. 52)
e le fonti delle obbligazioni sui contratti
statali della Repubblica
romana

Rinolfi C. M. A. (Sassari). Plebe, pontefice
massimo, tribuni della plebe: a proposito di
Liv. 3.54.5–14

Smorčkov A. M. (Mosca). Del potere gi-
udiziario degli auguri

Sacchi O. (Napoli). I contratti sull'*ager
vectigalis* e la sistematica delle fonti
di obbligazione: problemi
di origine

Dementieva V. V. (Yaroslavl').
Realizzazione del potere supremo militare
dei magistrati straordinari nella prima
repubblica romana

Kvašnin V. A. (Vologda). Le leggi sul
lusso: genesi e vie di sviluppo

Karetnikova V. A. (Yaroslavl'). *Ambitus*:
metodi illeciti nella lotta
per la magistratura nella repubblica
romana

DIRITTO
ROMANO IN ORIENTE

Ermolovich V. I. (Minsk). L'influenza del
diritto romano sullo sviluppo del diritto
delle obbligazioni dei paesi balcanici
nel Medioevo

СОДЕРЖАНИЕ

7 **Бибииков М. В., Кофанов Л. Л.,
Суханов Е. А. (Москва).** Памяти
академика Леонида Васильевича
Милова

10 **Белякова Е. В. (Москва).** Леонид
Васильевич Милов. Жизненный путь
и исследования в области истории
права

РИМСКОЕ ПРАВО

16 **Кофанов Л. Л. (Москва).** Вторая книга
«Правил» Модестина (D. 44. 7. 52)
и источники обязательств по государ-
ственным контрактам в Римской
республике

23 **Ринольфи К. М. А. (Сассари).** Плебс,
великий понтифик, плебейские трибу-
ны: по поводу Liv. 3. 54. 5–14

55 **Сморчков А. М. (Москва).** О судеб-
ных полномочиях авгуров

60 **Сакки О. (Неаполь).** Контракты
по *ager vectigalis* и система источни-
ков обязательств: проблемы проис-
хождения

88 **Дементьева В. В. (Ярославль).** Осу-
ществление высшей власти в военной
сфере чрезвычайными магистратами
ранней Римской республики

102 **Квашнин В. А. (Вологда).** Законы
о роскоши: генезис и пути развития

114 **Каретникова В. А. (Ярославль).** *Ambitus*:
нелегитимные методы борьбы
за magistratury в Римской
республике

РИМСКОЕ
ПРАВО НА ВОСТОКЕ

126 **Ермолович В. И. (Минск).** Влияние
римского права на развитие обяза-
тельного права балканских го-
сударств Средневековья

**DIRITTO
ROMANO IN OCCIDENTE**

Vacca L. (Roma). Diritto giurisprudenziale romano e tradizione romanistica

Rabello A. M. (Haifa). La base romanistica della teoria di Rudolph von Jhering sulla *culpa in contrahendo*

Gnitsevich K. V. (San Pietroburgo). La colpa nei rapporti precontrattuali (*culpa in contrahendo*) secondo la dottrina di Rudolph von Jhering

Marey A. V. (Mosca). *Proditio – traditio – traición*: da Roma antica fino alla codificazione di Alfonso X il Saggio

**DIRITTO ROMANO
ED ATTUALITÀ**

Rudokvas A. D. (San Pietroburgo). L'azione Publiciana in diritto civile con riguardo speciale al diritto moderno

ATTIVITÀ SCIENTIFICA

Hamza G. (Budapest). *In memoriam* Max Kaser (1906–1997)

Kofanov L. L., Krinitzina E. S. (Mosca). Recensione al libro *Tradizione romanistica e costituzione*. Diretto da L. Labruna. A cura di M. P. Vaccari, C. Cascione. Vol. I–II. Napoli, 2006. 2032 pp.

Kofanov L. L. (Mosca), **Tanev K.** (Sofia). Cronaca del IV seminario scientifico permanente dei giovani studiosi «*Diritto romano e attualità*» sul tema «*Le fonti delle obbligazioni nel diritto pubblico e privato romano e contemporaneo*», Sofia 25–30 ottobre 2007

SUPPLEMENTO

«*Fuero reale*», libro IV, titolo XXV. Delle citazioni. Traduzione e commento di A. V. Marej. Red. di O. V. Aurov (Mosca)

**РИМСКОЕ
ПРАВО НА ЗАПАДЕ**

140 **Вакка Л.** (Рим). Право римской юриспруденции и традиция римского права

154 **Рабелло А. М.** (Хайфа). Римско-правовая основа теории Рудольфа фон Йеринга о *culpa in contrahendo*

175 **Гницевич К. В.** (Санкт-Петербург). Вина в преддоговорных отношениях (*culpa in contrahendo*) в доктрине Рудольфа фон Йеринга

186 **Марей А. В.** (Москва). *Proditio – traditio – traición*: от Древнего Рима до кодификации Альфонсо X Мудрого

**РИМСКОЕ ПРАВО
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

198 **Рудоквас А. Д.** (Санкт-Петербург). Публицианов иск в современном гражданском праве

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

206 **Гамза Г.** (Будапешт). *In memoriam* Макса Казера (1906–1997)

210 **Кофанов Л. Л., Криницына Е. С.** (Москва). Рецензия на книгу *Tradizione romanistica e costituzione*. Diretto da L. Labruna. A cura di M. P. Vaccari, C. Cascione. Vol. I–II. Napoli, 2006. 2032 pp.

225 **Кофанов Л. Л.** (Москва), **Танев К.** (София). Хроника IV научного международного постоянно действующего семинара «Римское право и современность» на тему «Источники обязательств в римском и современном частном и публичном праве», София, 25–30 октября 2007 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

236 «Королевское фуэро», книга IV, титул XXV. О вызовах. Перевод и комментарии А. В. Марей. Ред. О. В. Аутова (Москва)

А. В. МАРЕЙ*

**PRODITIO – TRADITIO – TRAIÇÃO:
ОТ ДРЕВНЕГО РИМА
ДО КОДИФИКАЦИЙ АЛЬФОНСО Х
МУДРОГО**

1. Постановка проблемы

В титуле «О вызовах», закрывающем последнюю книгу «Королевского фуэро» короля Кастилии и Леона Альфонсо Х Мудрого (1252–1284), два завершающих закона были посвящены такому своеобразному преступлению, как предательство (*traición*). Согласно одному из них, под предательством подразумевались такие деяния, как убийство, ранение, захват или передача врагам своего сеньора или сына правящего короля – его наследного принца. Помимо этих составов понятие предательства включало в себя прелюбодеяние с супругой своего сеньора, отстранение от власти самого короля и передачу в руки врагов замка или укрепленного города¹. На основании этого закона можно отметить, что под предательством юристы Альфонсо Х подразумевали комплекс противоправных деяний, направленных против своего сеньора или же против короля, который, согласно кастильской правовой доктрине, являлся «сеньором по рождению» (*señor natural*) для всех своих подданных. Таким образом, основным правоотношением, нарушавшимся в результате совершения предательства, были вассально-сеньориальные связи, пронизывавшие все средневековое сообщество сверху донизу.

При этом следует отметить, что старокастильское «предательство» (*traición*) было весьма сходно с другим преступлением, называемым в источниках «изменой» (*alevosia*, *aleve*): понятие измены включало в себя ряд *conproa delicti*, в целом совпадавших с попадающими под определение предательства. Основным же отличием двух преступлений было то, что, в отличие от предателя, покушавшегося на «вертикальные», вассально-сеньориальные отношения, изменник нарушал «горизонтальные», межличностные связи «дружбы и доверия», объединявшие всех свободных мужчин-воинов².

* Марей Александр Владимирович – кандидат юридических наук, старший преподаватель РГГУ. Данная статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Власть и общество в истории».

¹ *Fuero Real: edición y análisis crítico / por G. Martínez Díez // Leyes de Alfonso X. II. Avila, 1988 (далее Freal), IV. XXV. XXVI: Traydor es qui quier que mata su sennor, o lo fiere, o lo prende, o mete en él mano a mala parte, o lo manda, o lo conseia facer, o quien alguna destas cosas face a fijo de su sennor natural a aquel que deve regnar demientre que non saliere de mandado de su padre. Otrosi traydor es qui yace con muger de su sennor, o quien es en conseio que otro yaga con ella. Otrosi traydor es qui deshereda su rey o es en conseio de deseredarle, e qui trae castiello o villa murada.* Полный перевод на русский язык этого титула «Королевского фуэро» см. в Приложении к данному номеру нашего журнала. – А. М.

² Подробнее об отношениях «дружбы и доверия», их разрыве и следовавшем за ним судебном поединке см. след. работы: Марей А. В. Судебный поединок в Кастилии XIII века: Тез. докл. // Проблемы социально-политической истории и культуры Средних веков: Материалы XXI Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 2001 год. СПб., 2002. С. 56 ss.; *Он же*. «Дружба и доверие» в Леоне и Кастилии XI–XIII веков // Проблемы социально-политической истории и культуры Средних веков: Материалы XXII Всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 2002 год. СПб., 2003. С. 53–57; *Cabral de Moncada A. O duelo na vida do direito // Anuario de Historia del Derecho Español (далее AHDE). II. 1925. P. 213–232; AHDE. III. 1926. P. 69–88; García González J. Traición y alevosía en la Alta Edad Media // AHDE.*

Основываясь на типологической близости двух преступлений, с одной стороны, и на их указанном выше различии, с другой, можно предположить, что главное и основное отличие предательства от измены в том, что первое имело публично-правовой, вторая же – частноправовой характер. Причем если принадлежность измены к частному праву еще оспаривалась многими исследователями³, то тот факт, что предательство является институтом средневекового публичного права, не подвергался сомнению практически никем. Одним из основных и наиболее ярких аргументов в пользу этого утверждения служила и служит формулировка, которой предательство описывалось в наиболее значимых испанских сводах права – от «Вестготской правды», созданной в VII–VIII вв., и до «Семи Партид», ставших вершиной законотворческой деятельности Альфонсо X Мудрого: «преступление против короля, народа и родины»⁴. Не спеша опровергать здесь тезис о принадлежности предательства к публично-правовой сфере, отметим лишь, что, по нашему мнению, он является достаточно дискуссионным по целому ряду причин. Некоторых из них мы коснемся по ходу нашей работы, однако подробному разбору правовой сущности предательства в средневековой пиренейской правовой традиции, несомненно, следует посвятить отдельную работу. Этой же небольшой статьёй мы лишь открываем цикл работ, освещающих историю предательства в праве средневековых королевств Пиренейского полуострова.

2. Историография проблемы

Работ, посвященных истории предательства в леоно-кастильском средневековом праве, практически не существует. В нескольких работах это преступление рассматривалось в той или иной мере (исследование Х. Орландиса о концепции преступления в ранне-средневековом кастильском праве, статью Х. Гарсии Гонсалеса о предательстве и измене (*alevosía*) в праве того же периода, масштабную работу Ф. Мартинеса-Мартинеса

XXXII. 1962; *Gijón J. M.* La prueba judicial en el derecho territorial de Navarra y Aragón durante la Baja Edad Media // AHDE. XXXI. 1961. P. 17–54; *Hinojosa Ed. de.* El elemento germanico en el derecho español // Id. Obras completas. T. 2. Madrid, 1955. P. 407–460; *Iglesia Ferreirós A.* Historia de la traición. La traición regia en Leon y Castilla. Santiago de Compostela, 1971; *Madero Eguía M.* El riepto y su relación con la injuria, la venganza y la ordalia (Castilla y León, siglos XIII y XIV) // Hispania. XLVII/167. 1987. P. 805–861; *Marey A. V.* El riepto en el Derecho castellano-leonés: del Derecho municipal al Derecho regio // Fuero de Sepúlveda: sociedad de frontera: los actos de II Convenio Internacional sobre el Fuero de Sepúlveda. Sepúlveda, 2008: en prensa; *Oliva Manso G.* Pugna duorum. Perfiles jurídicos. Su manifestación en la sociedad y la política medieval de Castilla y León–Madrid, 2000; *Otero Varela A.* El riepto en el derecho castellano-leonés // Idem. Dos estudios historico-jurídicos. Roma – Madrid, 1955; *Idem.* El riepto de los fueros municipales // AHDE. XXIX. 1959. P. 153–173; *Torres López M.* Naturaleza jurídico-penal y procesal del desafío y riepto en León y Castilla en la Edad Media // AHDE. 10. 1933. P. 161–173 et alia.

³ Речь идет об ученых, утверждавших, что отношения «дружбы и доверия» не возникли в леоно-кастильском обществе в ходе его исторического становления, но были в приказном порядке установлены королем Альфонсо VII или Альфонсо VIII на кортесах, проходивших в городе Нахера. Постановлений данных кортесов не сохранилось, поэтому упомянутые исследователи основывали свою позицию на ряде фрагментов из «Королевского фуэро» Альфонсо X (FReal, IV, XXV, I) и «Постановлений кортесов Алькалы 1348 года» (OrdAlcalá, XXXII, 4; XXXII, 46), изданных по повелению короля Альфонсо XI. Подробнее о проблеме «Постановлений кортесов Нахеры» см. след. работы: *Sánchez Albornoz Cl.* Dudas sobre el Ordenamiento de Nájera // Cuadernos de Historia de España (далее CHE). XXXV–XXXVI. 1962; *Idem.* Menos dudas sobre el Ordenamiento de Nájera // *Idem.* Investigaciones y documentos sobre las instituciones hispanas. Santiago de Chile, 1970; *González J.* Sobre la fecha de las Cortes de Nájera // CHE. LXI–LXII. 1977. P. 357–361; *O'Callaghan J.* The Cortes of Castile-Leon 1188–1350. Philadelphia, 1989. P. 167, 200; *Grassotti H.* El recuerdo de las Cortes de Nájera // CHE. LXX. 1988; *Lacarra M. E.* El «Poema de mio Cid»: realidad histórica y ideología. Madrid, 1980; *Pavlovic M. N., Walker R. M.* A Reappraisal of the Closing Scenes of the «Poema de mio Cid» // Medium Aevum. LVIII. 1989. P. 1–16, 189–205 etc.

⁴ См., например: *Leges Visigothorum* / Ed. K. Zeumer. Hannoverae et Lipsiae, 1902. (далее LVis.) II. I. 8; P. II. I. VIII etc.

о влиянии библейской лексической и образной системы на юридическую мысль испанского Средневековья)⁵, но существуют, пожалуй, лишь две монографии, полностью посвященные его исследованию, – мы говорим о работе знаменитого испанского историка права А. Иглесии Феррейроса «История предательства. Королевское предательство в Леоне и Кастилии»⁶, вышедшей в 1971 г., и об опубликованной за 16 лет до того книге американского историка Флойда С. Ли, посвященной формированию понятия предательства в раннесредневековом праве германских народов, в том числе – в праве Вестготского королевства⁷.

Оба названных исследователя – как Ф. С. Ли, так и А. Иглесия – в своих работах уделяли особое внимание проблеме происхождения и генезиса института предательства в правовой системе Пиренейского полуострова. Этот факт, в сочетании с тем, что позиции обоих ученых диаметрально противоположны друг другу, заставляет нас остановиться на этом вопросе поподробнее и подвергнуть их позиции пристальному рассмотрению, насколько это окажется возможным в рамках данной небольшой статьи.

Американский исследователь последовательно отстаивал теорию римского происхождения фигуры предательства в праве Вестготского, а затем и Леон-Кастильского королевств. Предательство, по его мнению, является универсальным явлением и присутствует в любой политической системе: по мере эволюции верховной власти, свойственной каждой конкретной системе, вместе с ней меняются и формы, в которые облекается предательство, в то время как его суть остается прежней. В качестве доказательства этого тезиса Ф. С. Ли указывал на эволюцию знаменитого римского *crimen laesae maiestatis*, возникшего, как известно, в республиканский период истории Рима как «оскорбление величия римского народа» и эволюционировавшего позже в оскорбление величия правящего императора, могущее выражаться в самых разнообразных действиях, в том числе, в покушении на его изображения⁸.

В ходе анализа *crimen laesae maiestatis* как составного правонарушения⁹, Ф. С. Ли обратил внимание на то, что определенная часть норм классического римского права, посвященных регламентации этого преступления, вошла в «Кодекс Феодосия», а затем и в вестготский «Бревиарий Алариха» (в особенности это утверждение касается норм, запрещающих рабам, вольноотпущенникам и свободным людям низкого состояния обвинять своих хозяев и патронов в чем бы то ни было, кроме *crimen maiestatis*¹⁰). Присутствие этих норм в «Бревиарии...» дало американскому историку основания утверждать, что основные характеристики римского преступления «оскорбления величия» не просто были заимствованы вестготами, но и сохранили свою актуальность в более позднее время¹¹.

⁵ *García González J.* Traición y alevosía...; *Martínez Martínez F.* Et cum juda traditore domini: lenguaje bíblico como lenguaje jurídico en el derecho altomedieval hispánico // *INITIUM. Revista catalana d'història del dret.* 10 (2005). P. 85–210; *Orlandis J.* Sobre el concepto del delito en el Derecho en la Alta Edad Media // *AHDE.* 16. 1945. P. 112–192; *Idem.* Las consecuencias del delito en el Derecho de Alta Edad Media // *AHDE.* 18. 1947. P. 61–165.

⁶ *Iglesia Ferreirós A.* Historia de la traición. La traición regia en Leon y Castilla. Santiago de Compostela, 1971.

⁷ *Lear Fl. S.* Treason and related offenses in Roman and Germanic law. Houston, Tex., 1955.

⁸ *Lear Fl. S.* Treason... P. 24. Cp.: D. 48. 4. 1. 1 *Ulp. VII de off. procons.*: *Maiestatis autem crimen illud est, quod adversus populum Romanum vel adversus securitatem eius committitur...* D. 48. 4. 6 (*Ven. Saturn. II de iud. publ.*): *Qui statuas aut imagines imperatoris iam consecratas conflaverint aliudve quid simile admiserint, lege Iulia maiestatis tenentur.*

⁹ Употребляя термин «составное правонарушение» в данном контексте, мы имеем в виду «отдельные разрозненные преступные действия, образующие один (единный) сложный состав преступления, который обладает повышенной общественной опасностью сравнительно с общественной опасностью преступных действий, входящих в состав этого преступления». (См.: Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Гл. XIV, § 2.)

¹⁰ CTh. 9. 5–6 = Brev. 9. 3.

¹¹ *Lear Fl. S.* Treason... P. 30–32.

Анализируя дальнейшее развитие вестготского законодательства – речь идет о «Вестготской правде» (*Liber iudiciorum*), – Ф. С. Ли отметил в этом тексте исчезновение самого термина «*maiestas*»¹². Однако само по себе отсутствие термина не смутило исследователя, поскольку, по его мнению, римское «оскорбление величия» нашло себе продолжение в вестготской «неверности» (*infidelitas*). Аргументирует он это утверждение тем, что в качестве одного из проявлений «неверности» в тексте источника упоминается любое слово либо действие, направленное против «короля, народа или родины», что, по мнению американского исследователя, является рецепированной и немного видоизмененной формулой из римского закона¹³. Прежде, чем переходить к разбору альтернативной историографической концепции, отметим, что взглядов, аналогичных высказанным Ф. С. Ли, на происхождение предательства в праве Леона и Кастилии придерживались и некоторые испанские исследователи, прежде всего – Х. Гарсия-Гонсалес. В своей статье, посвященной правде, более институту измены (*alevosía*), нежели предательству (*traición*), испанский исследователь замечает, что истоки последнего, несомненно, следует искать в текстах римского права¹⁴.

Альтернативную разобранной выше позицию сформулировал уже упоминавшийся испанский историк права А. Иглесия Феррейрос. В своей монографии он весьма категорично утверждал, что то «предательство», которое мы знаем по памятникам леоно-кастильского средневекового права, было чисто готским институтом, не имевшим с древнеримским правовым институтом никакой связи, кроме внешней схожести. Доказательство данного тезиса профессор Иглесия выстроил на нескольких последовательных утверждениях, оспаривающих как концепцию Ф. С. Ли, так и идеи некоторых других историков права, в частности, немецкого исследователя К. Брехта, утверждавшего наличие у римлян целостной правовой конструкции преступления *proditio*, то есть предательства¹⁵.

А. Иглесия начинает свое доказательство с достаточно серьезного заявления, декларируя, что «...предательство, дитя средневекового мира, было неизвестно среди римлян»¹⁶. Данное утверждение, могущее и долженствующее вызвать почти рефлекторную реакцию раздражения и отторжения среди историков римского права, в особенности, права публичного, испанский исследователь повторяет на страницах своей работы много раз, но впервые поясняет его лишь ближе к середине книги: «Предательство предполагает неверность, а среди римлян было неизвестно подобное преступление. *Proditio patriae, patria obpugnata vel prodita* поздней эпохи¹⁷, через которую уже проглядывает *patria gothorum*, не существовали как отдельное преступление у римлян

¹² Этот термин употребляется в упомянутом источнике всего один раз, в титуле новелл об иудеях. Используется он в этом контексте применительно к Иисусу Христу: *LVis XII. 3. 15: Qui tartarea claustra comminuit et de inferno beatorum animas potentie sue maiestate eripuit.*

¹³ *Lear Fl. S. Treason...* P. 34; *LVis. II. 1. 8.*

¹⁴ *García González J. Traición y alevosía...* P. 340.

¹⁵ *Brecht Ch. H. Perduellio. Eine Studie zu ihrer begrifflichen Abgrenzung im römischen Strafrecht bis zum Ausgang der Republic.* München, 1938.

¹⁶ *Iglesia Ferreiros A. La traición...* P. 10.

¹⁷ Здесь испанский исследователь цитирует конституцию императоров Валента II, Валентиниана II и Грациана, вошедшую в «Кодекс Феодосия», а затем и в «Кодекс Юстиниана»: *CTh. 9. 37. 2 [= Brev. 9. 27. 2] Imppp. Valent., Valens et Grat. AAA. ad Probum pp.: Accusator, qui se laqueo legis adstringit, agnoscat, nullum sibi fore ad latebram abolitionis recursum, postquam aliquid iniuriae merito inscriptionis illatae tolerarit inscriptus, id est si vel carcerem sustinuerit vel tormenta vel verbera vel catenas, nisi forte ille, qui haec pertulit, contemnat et donet ipse, quod pertulit, ac par fuerit tam petitoris quam petiti in accipienda abolitione consensus. Prius tamen quam aliquis de quaestione liberetur, sequitur illud, ut plerisque criminibus ne consentientibus quidem partibus praestetur abolitio, ut sunt illa, in quibus aut violata maiestas, aut patria oppugnata vel prodita, aut peculatus admissus, aut sacramenta deserta sunt, omniaque ea, quae iure veteri continentur. In quibus iudex non minus accusatorem ad docenda, quae detulit, quam reum ad purganda, quae negat, debet urgere. D. prid. Id. Oct. Treviris, Valentin. N. P. et Victore coss. (= C. 9. 42. 3).*

и не имеют ничего общего с предательством. Proditio употреблялось в латинских текстах, но лишь в описательном смысле, для того, чтобы указать на врагов республики, на тех, кто ввергает ее в опасность или разрушает ее. Эта же идея появляется и у Исидора Севильского...»¹⁸.

Далее все аргументы испанского исследователя можно условно подразделить на две группы: историко-лингвистические и историко-правовые. К первой группе, безусловно, относятся его высказывания относительно употребления в римской правовой и литературной традиции терминов *proditor*, *proditio* и *traditor*. Повторимся, что, согласно А. Иглесии, термин *proditor* в римской традиции никогда не означал предателя как человека, совершившего конкретное преступление против государства. В нарративных источниках он использовался для обозначения тех, кто портит и разрушает государство (здесь исследователь ссылается, в частности, на Цицерона, в речах которого разбираемый термин употребляется по отношению к Луцию Сергию Катилине и его сторонникам и соседствует с определением *perditissimi cives*¹⁹), а в правовых текстах он и вовсе обозначал пегебжика²⁰.

Термин *traditor*, как и *proditio*, а вместе с ними и образовавший их глагол *trado*, по мнению испанского историка, не употреблялись в римской традиции для обозначения предательства. А. Иглесия находит лишь одно место у Тацита, в «Истории», где употребляется термин *traditor*²¹, но и его он считает более правильным читать, используя конъектуру, предложенную Феррини: *proditore* вместо *traditore*. Термин же *proditio* и глагол *trado* имели, согласно утверждению А. Иглесии Феррейроса, лишь одно основное значение – передавать что-либо кому-либо – и использовались для обозначения либо передачи вещи в рамках договора купли-продажи, либо знаний и информации, в том значении, в котором мы сейчас употребляем слово «традиция»²². Подвергнув подобному анализу традицию римского словоупотребления, испанский исследователь делает следующий вывод: «Лишь германские или римские *proditores* в значении, приводимом Тацитом и Цезарем, могли породить предателей, но если определять *proditores* как неверных, то получается, что они не могли породить предателей, этимологические корни которых лежат в понятии *traditores*, которые не имели никакого отношения к неверным»²³.

Истоки старокастильского понятия *traición* А. Иглесия Феррейрос находит в библейской традиции, где Иуду в целом ряде текстов называют предателем, *traditor*. Для испанского исследователя это объясняется тем, что Иуда совершил физическую передачу, «часть акта купли-продажи, он продал Господа за тридцать монет»²⁴. Места же в Библии, в которых Иуда характеризуется термином *proditor*, А. Иглесия предлагает зачесть за позднейшие различия. В позднейшей актовой и правовой традиции Пиренейского полуострова понятие *traditor* под сильнейшим влиянием церковных авторов отождествилось с понятием *proditor*, дав, тем самым, начало старокастильскому термину *traidor*. Соответственно этому отождествлению и Иуда превратился в первого предателя, своеобразного «князя предателей». Но в момент этого превращения он, по мнению А. Иглесии, перестает быть «тем, кто передал Господа», становясь «первым в христианской истории неверным и прототипом для любой последующей неверности»²⁵.

¹⁸ *Iglesia Ferreirós A. La traición...* P. 85–86.

¹⁹ См., например: *Cic. Cat. 1. 6. 3, 1. 9. 23 etc.*

²⁰ D. 49. 16. 7 (*Tarrunt. Patern. II de re militari*): *Proditores transfugae plerumque capite puniuntur et exauctorati torquentur: nam pro hoste, non pro milite habentur.*

²¹ *Tac. Hist. IV. 24. 13: tot armatas fortissimorum virorum manus unius senis valetudine regi: quin potius interfecto traditore fortunam virtutemque suam malo omine exolverent.*

²² *Iglesia Ferreirós A. La traición...* P. 86–89.

²³ *Ibid.* P. 90.

²⁴ *Ibid.* P. 91–92.

²⁵ *Ibid.* P. 95 s.

Показанная выше эволюция римского понятия *traditio* через библейские тексты в старокастильское *traición* объясняет, по мнению А. Иглесии Феррейроса, тот факт, что в памятниках вестготского периода не встречается упоминаний о предателях, *traditores*, хотя и существуют многочисленные мятежники (*rebelli, seditiosi*), тираны (*tyranni*) и т. д. Основой для квалификации того или иного действия как покушения на «короля, народ или родину готов» была не физическая передача города или короля в руки врага, а нарушение некоей германской «верности» (*fidelitas*), которой римляне, повторимся, не знали. Следовательно и понятие *traición*, согласно испанскому исследователю, не имеет с римским *traditio* практически ничего общего, кроме своей этимологии.

Завершить анализ концепции А. Иглесии Феррейроса следует еще одним его аргументом, без которого она, безусловно, была бы неполна. Как известно, в римской традиции для обозначения предательства помимо термина *proditio* использовался зачастую и термин *crimen laesae maiestatis*, употреблявшийся в широком смысле. Опираясь на тексты из «Дигест» Юстиниана, а также на некоторые императорские конституции, вошедшие в состав кодификаций Феодосия и Юстиниана, испанский историк права замечает, что с определенного момента в истории Принципата вся *maiestas* римского народа перешла к принципсам²⁶, а затем и к императорам периода Домината. С падением же Римской империи, замечает исследователь, «...понятие императорской *maiestas* осталось вакантным, в ожидании смельчака, который пожелал бы воспользоваться им для себя. Эта роль не соблазнила готских королей, которые предпочитали замещать префекта претория, а не императора...»²⁷. Это утверждение А. Иглесии Феррейрос основывает на гипотезе другого великого испанского ученого, — историка римского права Альваро д'Орса. В своем исследовании, сопровождавшем сделанную им же публикацию одного из самых ранних текстов вестготского права — «Эдикта Эвриха», д'Орс доказывал, что форма, выбранная Эврихом для воплощения своего замысла, исторически восходит не к постановлениям римских императоров, но к эдиктам высших должностных лиц Римской империи — префектов претория²⁸. Соответственно, поскольку вестготские короли, минимум вплоть до Леовигильда (568–586), по утверждению А. Иглесии, отождествляли себя с префектами претория, а не с императорами, то и формула *crimen laesae maiestatis*, сохраненная в «Кодексе Феодосия» и, что главное, в «Бревиарии Алариха», — не могла использоваться для их защиты²⁹. Тексты же с упоминанием этой формулы, вошедшие в состав постановлений IV и VI Толедских соборов (633 и 638 гг. соответственно)³⁰, свидетельствовали не о существовании в Вестготской Испании *crimen laesae maiestatis*, но лишь о наличии каких-то механизмов защиты монарха от посягательств³¹.

²⁶ *Iglesia Ferreirós A.* La traición... P. 25; см. также: D. I. 4. Ipr., D. I. 11. Ipr. и т. д.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *El Código de Eurico* / Ed., palingenesia, índices por A. D'Ors // *Estudios visigóticos*. II. Roma, Madrid, 1960. См. также: *Fragmenta Parisina* (по изд.: *El Código de Eurico* / Ed., palingenesia, índices por A. D'Ors // *Estudios visigóticos*. II. Roma, Madrid, 1960) CCLXXVII. 6. *Omnes autem causas quae in regno bonae memoriae patris nostri, seu bonae se malae, actae sunt non permittimus penitus commoveri; sed hi qui iudicaverunt cum Deo habeant rationes. 7. De illis vero causis unde duo iudicia proferuntur, nobis iubemus offerri, ut quae cum lege videremus emissa nobis praecipitentibus dibeat probari.*

²⁹ *Iglesia Ferreirós A.* La traición... P. 32.

³⁰ *Concilium IV de Toledo* // *Concilios visigóticos y hispano-romanos* / Ed. por José Vives, T. Marín Martínez, G. Martínez Díez. Barcelona – Madrid, 1963: 31: *De discretione causarum*. Saepe principes contra quoslibet maiestatis obnoxios sacerdotibus negotia sua committunt, sed quia sacerdotes a Christo a ministerium saluti effecti sunt, ibi consentiant regibus fieri iudices, ubi iureiurando supplicii indulgentia promittitur, non ubi discriminis sententia praeparatur... *Concilium VI de Toledo* // *Concilios visigóticos y hispano-romanos* / Ed. por José Vives, T. Marín Martínez, G. Martínez Díez. Barcelona – Madrid, 1963: P. 11: *Ne sine accusatore legitimo quispiam condemnetur*. Dignum est ut vita innocentium non maculetur pernicie accusantium: ideo quisquis a quolibet criminatur non antea accusatus supplicio deditur, quam accusator praesentetur, atque legum et canonum sententiae exquirantur, ut si indigna ad accusandum persona invenitur, ad eius accusationem non iudicetur, nisi ubi pro capite regiae maiestatis causa versatur.

³¹ *Iglesia Ferreirós A.* La traición... P. 34.

Завершая анализ концепций Ф. С. Ли и А. Иглесии Феррейроса, следует сказать, что мы не согласны ни с одним из названных исследователей, хотя важные положения, безусловно, есть у каждого из них. Ниже мы постараемся вкратце сформулировать свою позицию относительно римских корней института предательства (*traición*) в средневековом праве Кастилии и Леона.

3. *Traditores atque proditores в древнем Риме*

Анализ предательства в римской традиции, по всей видимости, следует начать с принятия за аксиому утверждения о том, что в римском праве не сложилось целостной концепции данного преступления. Объясняется это, прежде всего, тем, что публичное право в Риме было развито значительно слабее, нежели частное: публично-правовые проблемы всегда разрабатывались меньшим количеством юристов и в меньшем количестве текстов. Особенно заметным это различие стало в эпоху поздней Империи, когда в Риме было принято христианство: две отрасли публичного права из трех (сакральное право и право жрецов) практически перестали существовать, уступив место еще неразвитому праву ранней Церкви, третья же (право магистратов) очень сильно утратила свое значение за счет развития бюрократического аппарата Империи. Нормы уголовного права, естественно, существовали и включались в различные правовые своды, но все же особое внимания юристов не привлекали. Вторая причина отсутствия целостной концепции предательства в римской правовой традиции также достаточно широко известна – она кроется в неоднократно отмечавшемся многими исследователями казуизме, свойственном римской юриспруденции. Римские юристы шли не по пути обобщения и построения классификаций, а по пути накопления разнообразных юридических казусов, объединенных одним объектом, что, по меткому замечанию Р. Циммермана, во многом отличает их от современных цивилистов и роднит с английскими юристами, создававшими основы прецедентного права³².

Но, несмотря на отмеченное отсутствие концепции предательства в памятниках римского права, мы все же можем выделить основные черты этого общественного и правового института, сформировавшиеся в восприятии римлян, проанализировать основные составы преступных деяний, квалифицировавшихся как предательство (*proditio*). В этом нам могут оказать неоценимую помощь тексты римской нарративной традиции, по странному стечению обстоятельств оставленные вне поля его исследования А. Иглесией Феррейросом³³. Речь идет, прежде всего, об «Истории Александра Македонского», созданной Квинтом Курцием Руфом – римским писателем эпохи Клавдия, и об «Истории от основания Города», написанной Титом Ливием. Именно эти тексты и сохранили для нас основные черты того преступления, которое мы сейчас знаем под именем предательства. Отдельно хочется отметить тот факт, что оба этих автора были широко известны в период Средних веков, и их сочинения дошли до нашего времени в десятках рукописей, выполненных в ту эпоху.

Для обозначения предателей или предательских действий ни Тит Ливий, ни Курций Руф не пользовались в своих произведениях терминами *traditor* или *traditio*³⁴, предпочитая использовать в соответствующих местах глагол *trado*. Так, Курций Руф употреблял

³² Zimmerman R. *The Law of Obligations: Roman foundations of civilian tradition*. Oxford, 1996. P. 913–914 sqq. О казуизме римской юриспруденции см. также: Гарсия Гарридо Х. М. Римское частное право: казусы, иски, институты. М., 2005 и библиографию, цитированную в этих трудах.

³³ Испанский исследователь привлекал к своей работе тексты Цицерона, Тацита и Цезаря, но по какой-то причине прошел мимо Тита Ливия и Курция Руфа, сочинения которых принципиально важны при разработке темы предательства в римском мире.

³⁴ Единственный случай употребления термина *traditor* в античной литературе зафиксирован в «Истории» Корнелия Тацита (*Tac. Hist. IV. 24. 13*), но даже там, как отмечалось выше, правильность его прочтения подвергается сомнению; термин *traditio*, в свою очередь, употреблялся только в своих основных значениях: либо передача вещи в рамках гражданского оборота, либо передача знаний, умений и т. д. от поколения к поколению, то есть то, что мы называем традицией.

именно этот глагол, рассказывая о преступных замыслах полководцев Дария – Набарзана и Бесса – выдать своего покровителя и царя Александру Македонскому, а самим, тем самым, прийти к власти³⁵. В других местах своего текста тот же глагол писатель использовал для обозначения выдачи подданными Дария Александру информации о замыслах своего повелителя³⁶ и для описания сдачи города Библа Александру³⁷. Контекстами, в которых рассматриваемым глаголом передается сдача города врагу, в том числе сдача по преступномуговору, богато и сочинение Тита Ливия³⁸. Наконец, все тот же Курций Руф пользуется тем же глаголом, говоря о сдаче врагу всего царства³⁹.

На основе приведенных фрагментов можно с уверенностью утверждать, что римская традиция словоупотребления термина *trado* включала в себя такие коннотации, как сдача города, передача информации, выдача в руки врагов царя или даже всего царства. Естественно, некоторые из названных действий могли совершаться как с целью предательства, так и без таковой (например, в случае сдачи города после долгой осады). Однако в данном случае более всего важен сам факт существования подобных контекстов, поскольку, основываясь на нем, можно понять возможный механизм формирования основных *сogroa delicti*, входивших в состав средневекового предательства. В качестве примера можно привести казус со сдачей города: с одной стороны, известно, что в римском праве человек, сдавший город или провинцию противнику, отвечал по закону о *crimen laesae maiestatis*⁴⁰; с другой стороны, в римской литературной традиции подобная сдача города врагу описывалась с помощью глагола *trado*. Совмещение этих двух фактов, каждый из которых был прекрасно известен образованным людям Средних веков, дает нам один из классических составов преступления, квалифицировавшихся в праве Кастилии и Леона как предательство (*traición*)⁴¹.

Далее следует обратить внимание на широко известное обстоятельство, к которому неоднократно обращались исследователи, рассуждавшие о наличии или же об отсутствии в римском праве концепции предательства: как уже говорилось, для обозначения предательства и предателей римляне чаще всего использовали термин *proditio* и однокоренные с ним слова *prodo* и *proditor*. Именно этот факт использовал, в частности, А. Иглесия Феррейрос для доказательства своего тезиса о том, что *proditio* и *traditio* имеют принципиально разную правовую природу⁴². Однако, как можно увидеть, например, из некоторых фрагментов сочинения Курция Руфа, *proditio* и однокоренные ему термины зачастую использовались в качестве обобщающих по отношению к конкретным соста-

³⁵ *Curt. Ruf.* V. 9. 2: *Adsensu exceperere ceteri hanc vocem, sed Nabarzanes, qui in eodem consilio erat, cum Besso inauditū antea facinoris societate inita regem suum per milites, quibus ambo praecerant, comprehendere et vincire decreverant, ea mente, ut, si Alexander ipsos insecutus foret, tradito rege vivo inirent gratiam victoris, magno profecto cepisse Dareum aestimaturi, sin autem eum effugere potuissent, interfecto Dareo regnum ipsi occuparent bellumque renovarent.*

³⁶ *Curt. Ruf.* III. 8. 3: *Minus hoc regi quam purpuratis eius displicebat: ancipitem fidem et mercede venalem proditioni imminere et dividi non ob aliud copias velle, quam ut ipsi, in diversa digressi, si quid commissum esset, traderent Alexandro...*

³⁷ *Curt. Ruf.* IV. 1. 15: *In Phoenicen <deinde> descendit et oppidum Byblon traditum recepit. Inde ad Sidona ventum est, urbem vetustate famaе conditorum inclitām.*

³⁸ *Liv.* IX. 24. 2: *Ceterum cum propter difficilem urbis situm nec oppugnandi satis certa ratio iniretur et aut tempore longinqua aut praeceps periculo victoria esset, Soranus transfuga clam ex oppido profectus, cum ad uigiles Romanos penetrasset, duci se extemplo ad consules iubet deductusque traditurum urbem promittit. Liv. XXIV. 11. 4: Eodem Aristomachus perfugit, tamquam Poenis, non Bruttis auctor urbis tradendaе fuisset. (см. также: *Liv.* XXIV. 13. 9; XXV. 15. 17 и т. д.)*

³⁹ *Curt. Ruf.* 3. 8. 7: *Itaque Graecis nuntiari iubet ipsum quidem benevolentiae illorum gratias agere; ceterum si retro ire pergat, haud dubie regnum hostibus traditurum: fama bella stare, et eum qui recedat fugere credi.*

⁴⁰ D. 48. 4. 10 (*Hermog. VI iur. epit.*): *Maiestatis crimine accusari potest, cuius ope consilio dolo malo provincia vel civitas hostibus prodita est.*

⁴¹ *FReal.* IV. XXV. XXVI: *Otrosi traydor es <...> qui trae castiello o villa murada.*

⁴² *Iglesia Ferreirós A.* La traición... P. 85 ss.

вам деяний, передававшихся глаголом *trado*⁴³, что, без всякого сомнения, указывает на их частичную синонимичность. Подтверждается этот тезис и анализом сочинений юристов классического периода. Так, например, Домиций Ульпиан в своем трактате «Об обязанностях проконсула», говоря о выданных разбойниками, употребляет глагол *trado* синонимично глаголу *prodo* и однокоренным с ним словам, в значении «выдавать, предавать, доносить»⁴⁴.

Наконец, заканчивая наш краткий анализ предательства в мире древнего Рима, обратимся к еще одному фрагменту текста, уже приводившемуся выше, в рамках разбора концепции А. Иглесии Феррейроса. Напомним, что на странице 85 своей монографии испанский историк права пишет: «*Proditio patriae, patria obpugnata vel prodita* поздней эпохи, через которую уже проглядывает *patria gothorum*, не существовали как отдельное преступление у римлян и не имеют ничего общего с предательством»⁴⁵. В данном пассаже А. Иглесия дает отсылку к конституции 369 года, изданной императорами Валентом II, Валентинианом II и Грацианом и включенной сначала в «Кодекс Феодосия», а затем и в «Кодекс Юстиниана». Именно в этом тексте и сохранилась столь заинтересовавшая испанского исследователя формулировка⁴⁶.

При ближайшем рассмотрении формулы *patria obpugnata vel prodita* в «Кодексе Феодосия» можно отметить несколько характерных черт словоупотребления в данном тексте. Прежде всего, следует обратить внимание на отличие контекстного употребления термина «родина» (*patria*) в данном фрагменте от обычного его использования в римских юридических источниках. Как можно увидеть на примере текстов римских юристов классического периода, сохранных в «Дигестах» Юстиниана, а также различных императорских конституций, вошедших в кодификации Феодосия и Юстиниана, обычно понятие *patria* использовалось для обозначения места рождения какого-либо человека или более конкретно – того города (*civitas*), где он родился⁴⁷. В рассматриваемой же конституции это понятие, очевидно, несло на себе значительную стилистическую и эмоциональную нагрузку, на что, среди прочего, указывает и формулировка, стоящая перед ней, – *violata maiestas*. Ни эта формула, ни подобные ей (*violatores maiestatis* и т. д.) никогда не использовались в традиции классического римского права: впервые они появляются в конституциях императоров Валента II, Валентиниана II и Грациана, а затем несколько раз встречаются в переполненных риторическими фигурами законах импера-

⁴³ *Curt. Ruf.* III. 8. 3: *Minus hoc regi quam purpuratis eius displicebat: ancipitem fidem et mercede venalem proditori imminere et dividi non ob aliud copias velle, quam ut ipsi, in diversa digressi, si quid commissum esset, traderent Alexandro...*; *Curt. Ruf.* III. 13. 17: *Ceterum tantae fortunae proditorem <di> semper ultores celeriter debita poena persecuti sunt. Namque unus e consciis eius, credo, regis vicem etiam in illa sorte reveritus, interfecti proditoris caput ad Dareum tulit, opportunum solacium prodito: quippe et ultus inimicum erat et nondum in omnium animis memoriam maiestatis suae exolevisse cernebat.*

⁴⁴ D. 48. 18. 1. 26 (*Ulp.* VIII de off. procons.): *Cum quis latrones tradidit, quibusdam rescriptis continetur non debere fidem haberi eis in eos, qui eos tradiderunt: quibusdam vero, quae sunt pleniora, hoc cavetur, ut neque dextrae non habeatur, ut in ceterorum persona solet, sed causa cognita aestimetur, habenda fides sit nec ne. plerique enim, dum metuunt, ne forte adprehensi eos nomen, prodere eos solent, scilicet impunitatem sibi captantes, quia non facile eis indicantibus proditores suos creditur. sed neque passim impunitas eis per huiusmodi prodiones concedenda est, neque transmittenda allegatio dicentium idcirco se oneratos, quod eos ipsi tradidissent: neque enim invalidum argumentum haberi debet mendacii sine calumniae in se instructae.*

⁴⁵ *Iglesia Ferreirós A.* La traición... P. 85.

⁴⁶ См. сноску 16.

⁴⁷ См., например, в «Дигестах»: D. 1. 1. 2, D. 1. 16. 4. 3, D. 3. 1. 10, D. 4. 6. 35. 7, D. 23. 2. 65 pr., D. 26. 7. 46. 1, D. 32. 101 pr., D. 32. 102 pr., D. 32. 41. 6, D. 33. 1. 21. 3, D. 34. 2. 6. 2, D. 36. 1. 59, D. 48. 22. 7 passim, D. 48. 22. 12, D. 48. 22. 18 pr., D. 50. 1. 6 pr., D. 50. 1. 17. 6, D. 50. 1. 22. 4, D. 50. 1. 23. 1, D. 50. 1. 27, D. 50. 1. 30, D. 50. 1. 33, D. 50. 1. 36 pr., D. 50. 4. 3. 1, D. 50. 5. 9, D. 50. 7. 13, D. 50. 7. 2. 1; в «Кодексе Феодосия»: CTh. 5. 6. 2, CTh. 7. 20. 8, CTh. 10. 22. 6, CTh. 12. 1. 20, CTh. 12. 1. 116, CTh. 12. 1. 122, CTh. 12. 1. 153, CTh. 12. 1. 5, CTh. 12. 1. 63, CTh. 12. 1. 65, CTh. 12. 1. 77, CTh. 12. 1. 79, CTh. 12. 12. 15; в «Кодексе Юстиниана»: C. 6. 25. 4. 1, C. 6. 62. 4 и т. д. Подробнее о спектре значений термина *patria* в римской традиции см.: *Teßmer.* v. *Patrius* // TLL. Vol. X. 1. 1990. P. 757–772.

тора Зенона⁴⁸. Помимо достаточно ясной отсылки к *crimen laesae maiestatis* она несла в себе сильный эмоциональный заряд, обусловленный, прежде всего, особенностями словоупотребления латинского глагола *violare*.

Подобное злоупотребление риторикой, иногда даже в ущерб смыслу, было характерно для императорских конституций начиная со второй половины IV в., когда профессиональные юристы практически перестали принимать участие в их подготовке. Общая нечеткость правовой мысли, скрываемая за пышностью формулировок, некорректное употребление юридических терминов и введение в правовую лексику терминов, обладавших сильной эмоциональной и стилистической окраской, зачастую делало императорские конституции более похожими на упражнения в риторике или в литературе, чем на правовые акты⁴⁹. Это обстоятельство, в свою очередь, обуславливает целесообразность привлечения к анализу данных текстов памятников римской литературной и риторической традиции, виднейшее место в которой принадлежит Марку Туллию Цицерону.

В речах и трактатах этого автора, а также в тексте долгое время приписывавшейся ему «Риторике к Гереннию» многократно употребляются такие формулировки, как «предатели родины»⁵⁰ или «предатели государства»⁵¹, очевидно, синонимичные друг другу. При более подробном рассмотрении этих текстов и сопоставлении их с разбираемой конституцией из «Кодекса Феодосия» можно обратить внимание на практически полное совпадение в употреблении в них словосочетаний «предательство родины» и т. д. Можно даже предположить, с известной долей уверенности, что сама эта конституция была навеяна ее авторам внимательным чтением речей Цицерона... При этом особенно важным представляется то, что ни у римского оратора, ни в императорском постановлении речь, очевидно, не идет о конкретном деянии: используя словосочетание *patria obpugnata vel prodita* в сочетании с упоминавшейся уже формулой *violata maiestas* авторы конституции лишь стремились с большей силой и убедительностью описать различные гипотезы, входившие в состав классического *crimen laesae maiestatis*, не указывая при этом на отдельные составы преступлений.

Завершая анализ формулировки о «преданной родине», обратимся к еще одному сюжету, затронутому А. Иглесией Феррейросом. В разбираемом пассаже он упомянул, что через «проданную родину» кодификации Феодосия уже проглядывает «родина готов». С этим утверждением сложно не согласиться, однако мы позволим себе сделать небольшое уточнение. Как мы показали выше, уже Цицерон активно пользовался термином «родина» в интересующем испанского исследователя эмоционально-ценностном контексте. Основываясь на этом бесспорном факте, а также на том, что произведение Цицерона были весьма хорошо известны просвещенным людям Вестготского королевства – в частности, Исидор Севильский активно пользовался сочинениями знаменитого римского оратора при подготовке своих «Этимологий»⁵², – можно с уверенностью утверждать, что в сло-

⁴⁸ См.: С. 9. 5. 1. 2, С. 9. 42. 3. 4 (= СTh. 9. 37. 2), С. 12. 35. 17. 1.

⁴⁹ Об особенностях юридической латыни периода поздней Империи и, в частности, языка «Кодекса Феодосия» см. нашу работу: *Марей А. В. Язык права в средневековой Испании: от Законов XII Таблиц до Семи Партид*. М., 2008.

⁵⁰ *Cic. Vat.* 25. 12: *qui duo nefarios patriae proditores, domesticos hostis, legibus exterminarat, hominem ad conservandam rem publicam natum, in idem Vetti indicium atque in eundem hunc numerum congregasti. Cic. Fin.* 3. 64. 10: *nec magis est vituperandus proditor patriae quam communis utilitatis aut salutis desertor propter suam utilitatem aut salutem. Rhet. ad Her.* 4. 12: *Nam quis est vestrum, iudices, qui satis idoneam possit in eum poenam excogitare, qui prodere hostibus patriam cogitarit? quod maleficium cum hoc scelere conparari, quod huic maleficio dignum supplicium potest inveniri? Rhet. ad Her.* 4. 38: *Nunc audes etiam venire in horum conspectum, proditor patriae? Proditor, inquam, patriae, venire audes in horum conspectum?*

⁵¹ *Cic. Sest.* 33. 5: *Ergo hominis desperati et proditoris rei publicae casum lugebunt fortasse qui volent.*

⁵² О роли Цицерона и других римских авторов в культуре Вестготского королевства вообще и в трудах Исидора Севильского в частности см. работу О. В. Аузова и цитированную в ней библиографию: *Аузов О. В. Artifex legum: идеал короля-законодателя в Вестготской Испании* // *Кентавр. Centaurus. Studia classica et medievalia*. 2008. 4.

жившемся понятию «родины готов» значительное место принадлежит ее «римским корням». То же утверждение, как в дальнейшем мы покажем в статьях, развивающих эту тему, в известной степени может быть применено и к понятию предательства (*traición*) в праве сначала Вестготской Испании, а затем и Леона-Кастильского королевства.

A. V. MAREY

**PRODITIO – TRADITIO – TRAICIÓN:
DA ROMA ANTICA FINO
ALLA CODIFICAZIONE
DI ALFONSO X IL SAGGIO**

(RIASSUNTO)

L'articolo è dedicato ai problemi della formazione del concetto di tradimento nel Diritto Storico spagnolo del secolo XIII. Analizzando le fattispecie di tradimento fissate nella legislazione di Alfonso il Saggio di Leon e Castilla (1252–1284) l'a. si sforza di mostrare le origini Romane di questa istituzione storico-giuridica. Nella prima parte dell'articolo l'a. fa l'analisi delle posizioni storiografiche dei conosciuti autori spagnuoli (A. Iglesia Ferreiros), americani (F. S. Lear) e tedeschi (Ch. Brecht) che hanno scritto sul problema di tradimento. La seconda parte è dedicata alla dimostrazione della posizione propria d'autore.

Basandosi sui testi di Quinto Curzio Rufo, Tito Livio, Cornelio Tacito e altri autori antichi e medievali l'a. dimostra lo sviluppo della concezione di tradimento nel mondo Romano e medievale. Nonostante l'assenza nel diritto Romano della concezione generale di tradimento (il famosissimo *crimen laesae maiestatis* è soltanto uno dei casi possibili di tradimento) la *proditio patriae gothorum* aveva le sue origini nella cultura, nella letteratura e, soprattutto, nella *rhetorica* Romana. I goti e, poi, i spagnoli avevano generalizzato e, in effetti, costruito questo concetto basandosi sulle tracce Romane.